

*И Вера пролила спасительный елей
В лампаду чистую Надежды...*

В этом году отмечается 230 лет со дня рождения Константина Николаевича Батюшкова (1787–1855) и 200 лет со дня выхода его единственной книги – двухтомника «Опыты в стихах и прозе» (1817). Личность незаурядная – яркая, героическая и трагическая – русский поэт Константин Батюшков занял особое место в истории отечественной литературы. Пушкин считал его одним из своих учителей в поэзии, признал творения Батюшкова поэтическим чудом и в этом смысле назвал «чудотворцем».

Глубокий знаток и ценитель древности Батюшков органично усвоил достижения античной культуры, сделав их «своим сокровищем». Это «сокровище» воплотилось в поэтике его стихотворений как «прелестная роскошь словесности». Кажется, что в лирике Батюшкова собрались все древние боги и богини и все сопровождающие их мифологические существа, герои легендарной истории и античные авторы.

Древность получала новую жизнь не только в сочинениях, но и в самой судьбе и личности поэта. В литературном обществе «Арзамас», куда входили Пушкин, Жуковский, Вяземский, Воейков, Плещеев и другие, Батюшков был наречён Ахиллом. Всерьёз так называли его друзья-литераторы за приверженность к античности, а в шутку – за невысокий рост и хрупкое телосложение («Ах, хил!»).

Однако Константина Батюшкова и без тени иронии можно уподобить легендарному древнегреческому воину Ахиллу, воспетому Гомером. Русский поэт начала XIX века также совершил свои великие подвиги – «подвиги творческого воображения», для которых потребовалось «величайшее напряжение духов-

ных сил»¹. «*Малютка Батюшков, гигант по дарованью...*», – отзывался о нём В.А. Жуковский в стихотворении «Ареопагу».

В то же время миниатюрный «Ахилл»-Батюшков был не только поэтом, но и воином – не в метафорическом, а в прямом смысле. Кроме творческих, он совершил подвиги ратные.

Характер сильный, мужественный, волевой проявился в хрупком юноше, когда он без малого двадцати лет отроду в марте 1807 года – вопреки запретам отца – пошёл добровольцем на войну с наполеоновской Францией, против которой выступила Россия в коалиции с Пруссией и Великобританией.

29 мая 1807 года в восточной Пруссии под Гейльсбергом в кровопролитной битве, унёсшей тысячи жизней, 20-летний Батюшков был ранен. Его «вынесли полумёртвого из груды убитых и раненых товарищей» и отправили на лечение в Ригу. «Любезный друг! Я жив, – писал Батюшков своему другу Н. И. Гнедичу. – Каким образом – Богу известно. <...> Я в Риге. Что мог вытерпеть дорогою, лёжа на телеге, того и понять не могу. Наш батальон сильно потерпел. Все офицеры ранены, один убит. Стрелки были удивительно храбры, даже до остервенения».

Уже через год отважный молодой офицер снова в строю. Он становится участником баталий в русско-шведской войне 1808–1809 годов. В награду за храбрость Батюшков получил орден Святой Анны 3-й степени.

В 1810 году он вышел в отставку. Однако отставным офицером пробыл недолго. Отечественная война 1812 года призвала поэта-воина постоять за родную землю и православную веру: «Теперь стыдно сидеть над книгою; мне же не приучаться к войне. Да, кажется, и долг велит защищать Отечество и государя нам, молодым людям», – писал он Вяземскому 1 июля 1812 года.

29 марта 1813 года Константин Батюшков был зачислен штабс-капитаном в Рыльский пехотный полк, стал участником заграничных походов русской армии 1813–1814 годов. В октябре 1813 года он писал Гнедичу о своих военных наградах – двух крестах: «Я представлен к Анне за последние дела и к Владимиру – за первые... Пришли мне Анненский крест, хорошей работы и хорошего золота, с лентою, небольшой величины... Ещё купи Владимирский крест: я к нему представлен за Теплиц... Здесь этого не сыщешь, а при генерале неловко не носить крестов. Не забудь и георгиевских лент для медали». Свои кресты поэт

¹ Шаталов С.Е. Поэзия К.Н. Батюшкова // Ахилл, или жизнь Батюшкова. – М., 1987. – С. 234–235.

заслуживал собственной кровью: «Что в офицере без честолюбия? Ты не любишь крестов? – иди в отставку! А не смейся над теми, которые их покупают кровью!»

За отвагу в «битве народов» под Лейпцигом – одним из главных сражений с Наполеоном – Батюшков был награждён орденом Святой Анны 2-й степени. Будучи адъютантом генерала Раевского, русский «Ахилл» прошёл победоносный военный путь до Парижа, а затем через Англию, Швецию и Финляндию вернулся в российскую столицу.

«Храбрость без веры ничтожна», – повторял слова Шатобриана Батюшков. Он был убеждён, что Христос-Спаситель сохранил русскую землю; православная вера, упование на Божие заступничество помогли разгромить врага: «с ужасом и с горестию мы взирали на успехи нечестивых легионов, на Москву, дымящуюся в развалинах своих; но мы не теряли надежды на Бога, и фимиам усердия курился не тщетно в кадилнице веры, и слёзы и моления не тщетно проливались перед Небом: мы восторжествовали. Оборот единственный, беспримерный в летописях мира! Легионы непобедимых затрепетали в свою очередь. Копьё и сабля, окропленные святою водою на берегах тихого Дона, засверкали в обители нечестия, в виду храмов рассудка, братства и вольности, безбожием сооружённых; и знамя Москвы, веры и чести водружено на месте величайшего преступления против Бога и человечества».

В 1814 году после заграничных военных походов Батюшков создал стихотворение «Тень друга», посвящённое памяти погибшего под Лейпцигом И.А. Петина – «незабвенного друга», «лучшего из друзей», «милого брата», «товарища лучших дней», «воина вечно милого».

Лирический герой покидает «берег туманный Альбиона», на корабле возвращается в Россию с мыслями о родине:

*Как очарованный, у мачты я стоял
И сквозь туман и ночи покрывало
Светила севера любезного искал.
Вся мысль моя была в воспоминанье
Под небом сладостным отеческой земли <...>*

Мечты об «отеческой земле» прервались видением убитого на войне друга, явившегося из «небесной отчизны»:

*Мечты сменялися мечтами,
И вдруг... то был ли сон?... предстал товарищ мне,
Погибший в роковом огне
Завидной смертью, над плейсскими струями.
Но вид не страшен был; чело
Глубоких ран не сохраняло,
Как утро майское, веселием цвело
И всё небесное душе напоминало.*

Произведению предпослан эпитафия из элегии Проперция: «*Sunt aliquid manes: letum non omnia finit;/ Luridaque evictos effugit umbra rogos*». В переводе с латыни это означает: «*Души усопших не призрак: не всё кончается смертью;/ Бледная тень ускользает, скорбный костёр победив*». Древнеримский стихотворец выразил в поэтическом предчувствии одну из главных христианских заповедей о жизни вечной: «*заповедь Его есть жизнь вечная*» (Ин. 12: 50); «*дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем*» (Рим. 6: 23). Батюшков осознал, что его любимые античные авторы стояли на пути к христианству: «Лучшие из древнейших писателей приблизились к сим вечным истинам, которые Святое Откровение явило нам в полном сиянии» («Нечто о морали, основанной на философии и религии»).

Русский поэт собственной душой ощутил реальность встречи с бессмертной душой погибшего на поле брани друга:

*Но сладостный покой бежал моих очей,
И всё душа за призраком летела,
Всё гостя горнего остановить хотела:
Тебя, о милый брат! о лучший из друзей!*

Батюшков-«Ахилл» в кругу читателей и друзей также заслуженно имел и другие славные имена: «маленький Овидий», «новый Тибулл». Он делал вольные переводы своих любимых античных авторов, совершенствуя русскую «лёгкую поэзию», переплавляя «звуки италийские» в новаторский «забавный русский слог».

Батюшкова восхищала любовная поэзия древности – «эротическая муза Катутлла, Тибулла, Проперция»¹. В «Речи о влиянии лёгкой поэзии на язык» он утверждал общечеловеческое и вечное (вне времени и пространственных границ) значение этой

¹ Батюшков К.Н. Избранная проза. – М., 1987. – С. 210. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием литеры П и номера страницы.

поэзии: «у всех народов, и древних, и новейших, лёгкая поэзия, которую можно назвать прелестною роскошью словесности, имела отличное место на Парнасе и давала новую пищу языку стихотворному» (П 209). Такова идейно-эстетическая позиция Батюшкова, определявшая своеобразие его творчества.

Вслед за классицистом Кантемиром, которого поэт высоко ценил, Батюшков мог бы сказать: я «с вами, греки и латины...» О его полной погружённости в античную поэзию свидетельствует необычное окказиональное словообразование в письме Гнедичу от 7 ноября 1811 года: «Я тибуллю...»¹ Глагол «тибуллить», изобретённый Батюшковым, – выразительный знак увлечённости, очарованности литературным источником, который влиял не только на творческие пристрастия, но уже и на сам образ жизни поэта. Этот окказионализм сродни словотворчеству влюблённого в Наталью Гончарову Пушкина, сотворившего к слову «очарован» рифму «огончарован».

«Тибулл, задумчивый и нежный Тибулл» (П 151) – так называл Батюшков своего любимого древнеримского автора. Собственная личность русского поэта – миловидного, задумчивого и нежного (каким донесли нам его облик портреты и автопортрет, воспоминания современников) – оживала в вольных переводах Тибулловых элегий. Здесь затронуты почти все основные темы и мотивы лирики Батюшкова: гимн земной жизни, радости, любви и красоте; тема дома, родного очага; противопоставление войны и мира; религиозно-философская тема жизни и смерти.

Всю художественную ткань Тибулловых элегий пронизывают обращения к богам, заклинание высших сил, судьбы. Эта древняя языческая форма под пером православного поэта становится глубоко личной, лирической, по-христиански осердеченной. В ней особенно ощутима надежда на спасение от бед, в котором так нуждался Батюшков:

Богиня грозная! Спаси его от бед... (35)

Но ты, держащий гром и молнию в руках!

Будь мирному певцу Тибуллу благосклонен... (36)

О богу! сей удар вы мимо пронесите,

Вы, лары отчески, от гибели спасите! (51)

Своеобразным божеством для Тибулла в переводах Батюшкова является также мир как антипод войны:

---

¹ Батюшков К.Н. Стихотворения. – М., 1987. – С. 280. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера страницы.

*Сын неба! Светлый Мир!..
Ты благодать свою на нивы проливаешь
И в отческий сосуд, наследие сынов,
Лиёшь багряный сок из Вакховых даров (52).*

Поэт несколько раз воспроизводит художественный образ «*чаши круговой*», «*весёлых чаш с вином*». Он желал бы видеть только этот «*багряный сок*» виноградных гроздьев, вобравший тепло солнечного света и мирного труда (в стихотворной сказке Батюшкова «Странствователь и Домосед» встречается замечательный образ – «*румяное вино*»), в противовес зловещим красным брызгам крови на полях битвы – «*Марсовых полях*».

Вино, веселье, любовь – все эти «*брызги*» беззаботного наслаждения жизнью рассыпаются в стихах искрящимся фонтаном, переливаются через край символической «*полной чаши*». В то же время реальный человеческий облик Батюшкова, его собственный «внутренний человек» расходился с тем образом, что был создан творческим воображением поэта в анакреонтической лирике. «Кто не знал кроткого, скромного, застенчивого Батюшкова, тот не может составить себе правильного о нём понятия по его произведениям; так, читая его подражания Парни, подумаешь, что он загрубелый сластолюбец, тогда как он отличался девическою, можно сказать, стыдливостью и вёл жизнь возможно чистую. Читая эпиграммы его, подумаешь, что он насмешлив, а на деле нельзя быть снисходительнее его к людям. Читая «Похвальное слово сну», подумаешь, что автор лентяй, неженка, сибарит, а в сущности он любил занятия, много читал, учился, писал, путешествовал, служил, бывал в походе и в сражениях, был и ранен»¹, – вспоминал близко знавший поэта мемуарист.

Образы любовной лирики Батюшкова необыкновенно яркие, конкретны, пластичны. Поэтическое изображение возлюбленной напоминает скульптурную Венеру:

*В прелестной нагоде явись моим очам:
Власы развеяны небрежно по плечам,
Вся грудь лилейная и ноги обнажены... (37)*

Поразительное свойство батюшковской лирики в том, что при всём упоении чувственными наслаждениями рядом со сла-

---

¹ Сушков Н.В. Обоз к потомству с книгами и рукописями // Раут: Исторический и литературный сборник. – Кн. 3. – М., 1854. – С. 277–278.

добрастием соседствует огромный запас целомудрия и чистоты, душевной и телесной. Любимая лирического героя – «дева невинная», «дева стыдливая», «дева чистая». «Слёзы стыдливости» равноценны «улыбкам» и «песням веселия» («Радость»).

*Дева любви! – я к тебе прикасался,
С мёдом пил розы на влажных устах!
Зафна краснеет?.. О друг мой невинный,
Тихо прижмися устами к устам!..
Будь же ты скромн, источник пустынный...(64)*

При всей конкретике образов поэзию «жреца Киприды» отличает утонченность, изящество, изысканность. В «Элегии из Тибулла» возлюбленная представлена чуть ли не наравне с богами, её окружают не только приметы земной цветущей природы, но и образы небесные, космические. Так любовь земная освящается, поднимается до вселенских, божественных высот:

*И снова Делия мастики принесёт,
Украсит дивный храм весенними цветами
И с распущёнными по ветру волосами,
Как дева чистая, во ткань облечена
Воссядет на помост: и звёзды, и луна,
До восхождения румяныя Авроры,
Услышат глас её...(35)*

Один из устойчивых, выразительнейших знаков женственности, романтичности женского образа в лирике Батюшкова – «распущенные волосы»: «Я помню локоны златые/ Небрежно вьющихся власов» («Мой Гений»); «Летающий Зефир власы твои развеет» («Таврида»); «И кудри распущенны/ Взвезают по плечам» («Мои пенаты»); «Власы свои душисты/ Раскинув по плечам,/ Прелестницы младые...» («Мечта»); «венки на волосах каштановых», «От каштановых волос/ Тонкий запах свежих роз» («Привидение»).

Не отсюда ли – чарующие образы русской любовной лирики:

*Кудри девы-чародейки,
Кудри – блеск и аромат,
Кудри – кольца, кудри – змейки,
Кудри – шёлковый каскад!*

– в стихотворении Владимира Бенедиктова «Кудри» (1838) или во вдохновившем И.С. Тургенева на создание его лирического шедевра в прозе «Как хороши, как свежи были розы...» (1879) стихотворении Ивана Мятлева «Розы» (1834):

*И мне в венке цветы ещё казались
На радостном челе красивее, свежей.
Как хорошо, как мило соплетались
С волной душистою каштановых кудрей!*

И напротив – волосы неприбранные в лирике Батюшкова – знак скорби, бедствий и даже смерти:

*<...> и бледны Эвмениды
Всех ужасов войны открыли мрачны виды:
<...> власы растрепанны и ризы обагрены («К Тассу»).*

Та же выразительная деталь скорбного облика появляется и в «Тибулловой элегии X» при описании «подземного дома»:

*Где лает адский пёс, где фурии свирепы
И кормчий в челноке на Стиксовых водах,
Там теней бледных полк толпится на берегах,
Власы обожжены и впалы их ланиты!.. (52)*

В зловещих картинах «внутри земли, во пропастях ужасных» у Батюшкова собраны чуть ли не все античные обитатели Аида: «Мегера страшная и Тизифона там/ С челом, опутанным шипящими змеями»; «ужасный Энкелад и Тифий преогромный»; «хищный Иксион, окованный змеёй» (36–37) и другие подобные им мифологические существа.

Всем этим мрачным образам смерти контрастно противопоставлены картины жизни – яркой, солнечной, благодатной. Молоко и мёд – среди излюбленных в поэтике Батюшкова знаковых символов Божией благодати и живительной земной силы:

*Мёд капал из дубов янтарною слезою,
В сосуды молоко обильною струёю
Лилося из сосцов питающих овец...(35)*

Это основные приношения человека богам. В «Тибулловой элегии X» в дар «священному лику домашнего Пената» «девы красные» приносят «из улья чистый мёд», «Сот мёда с моло-

ком – и Маин сын <Гермес. – А. Н.-С.>/ Тебе навеки благосклонен!» («Из антологии»). К жертвеннику Муз приносит эти дары и сам лирический герой Батюшкова в стихотворении «Беседка муз»:

*Спешу принести цветы, и ульев сот янтарный,
И нежны первенцы полей;
Да будет сладок им сей дар любви моей
И гимн поэта благодарный! (88–89)*

Как и в других творениях Батюшкова, земной мир в «Элегии из Тибулла» сверкает всеми переливами прозрачных красок: тёплыми («янтарная слеза»), прохладными («в лазоревых морях», «в тени зелёной»), нежными («на розовых конях». Этот необычный поэтический образ: «Проскакал на розовом коне» – отзовется в лирике Есенина), ослепительно-яркими («с сидонским багрецом и золотом бесценным» – эти цвета напоминают пушкинские «в багрец и золото одетые леса»). Палитра мирной жизни во всей её полноте и красоте в вольных переводах из Тибулла противостоит войне и смерти.

В систему ценностей земной жизни у Батюшкова органично входит образ родины, родной земли, отечества. Вот как звучат заклинания лирического героя: «Отдай, богиня, мне родимые поля,/ Отдай знакомый шум домашнего ручья...» (35); «О боги, если б я/ Узрел ещё мои родительски поля!» (52). Родина и домашние божества – последний якорь спасения: «Вы, Лары отчески, от гибели спасите! <...> / Спасите ж вы меня, отческие боги, / От копий, от мечей!» (51).

Эти лирические переживания, очень близкие самому Батюшкову, оторванному наполеоновскими войнами от родины и от дома, нашли отзвуки также в его переписке. Удивительно, насколько античные литературные источники оказались приближенными к обстоятельствам жизни русского поэта начала XIX столетия. Например, в «Тибулловой элегии XI» образы легендарной мифологии соседствуют с бытовыми деталями, напоминающими о собственных «пенатах» Батюшкова: «Когда на пиршествах стоял сосуд святой/ Из буковой коры меж утвари простой» (50). В стихотворении «Мои пенаты» описаны «Всё утвари простые,/ Всё рухляя скудель!» (91). В вольном переводе элегии из Тибулла, на первый взгляд, неожиданно, возникают образы русской природы, русской зимы и даже приметы простонародного русского быта:

*При шуме зимних вьюг, под сенью безопасной
Подруга в тёмную ночь зажжёт светильник ясный
И, тихо вретено кружа в руке своей,
Расскажет повести и были старых дней (37).*

Лирическая атмосфера этого стихотворения угадывается в созвучиях исконно русских пушкинских стихов «Зимний вечер», «Няне».

Известно, что в Италии, среди её пышной природы Батюшков грустил о глубоких русских снегах. Перед отъездом из России в страну своей юношеской мечты он делился сокровенными предчувствиями: «Я знаю Италию, не побывав в ней... Там не найду счастья: его нигде нет; уверен даже, что буду грустить о снегах родины и о людях мне драгоценных». В письме к А. Н. Оленину поэт восхищался умением адресата «в снегах Отечества лелеять зыбких муз» (294). Лирический герой Батюшкова в стихотворении «Пленный» просит вернуть ему «край отцов,/ Отчизны вьюги, непогоду,/ На родине мой кров,/ Покрытый в зиму ярким снегом!» (68)

*Какие радости в чужбине?
Они в родных краях;
Они цветут в моей пустыне
И в дебрях, и в снегах (68).*

Так образ родины, русские пейзажные приметы включаются «новым Тибуллом»-Батюшковым в строй представлений о прекрасной, совершенной жизни.

П. А. Плетнёв в стихотворении «К портрету Батюшкова» был прав, замечая о «потомке древнего Анакреона»:

*Ни вьюги, ни снега, ни жмущей воды лёд
Не охладили в нём воображенья...*

Кульм мечты: «Мечтанье есть душа поэтов и стихов...» – один из главных в батюшковской лирике с её романтическими устремлениями. С мечтами поэта о прекрасной жизни «вполне гармонировали» «мечты о красивой смерти»¹, за которой последует воскресение в жизнь вечную. Батюшков создаёт потрясающей силы и глубины образ смерти-воскресения, которого достаиваются только любящие сердца. Так образуется философско-символическое кольцо: любовь – смерть – воскресение – любовь, которая соединяет начала и концы, «мертвит и оживляет» («Разлука»). В стихотворении «Элизий»:

¹ Розанов И.Н. Русская лирика. – М., 1914. – С. 253.

*Сам он, бог любви прелестной,
Поведёт вас по цветам
В тот Элизий, где всё таеет
Чувством неги и любви,
Где любовник воскресает
С новым пламенем в крови (174).*

Загробный Элизий – обиталище блаженных душ – под пером Батюшкова не выглядит эфемерным жилищем бесплотных духов и привидений. Воплощающий земную мечту о прекрасном, он живой, открытый для восприятия всем человеческим чувствам. Познавать мир лирическому герою Батюшкова помогают зрение, слух, обоняние, осязание, вкусовые ощущения. Так, Элизий «*расцветает*», «*напоён благоуханьем*», «*там слышно пенье птиц и шум биющих вод*», здесь пьют «*из чаши сладкий мёд*». Особо увенчаны здесь те, кого «*неуловимый рок*» «*постиг в минуту упоенья,/ В объятиях любви...*» (36). На их «*челе из свежих мирт венок*». Поэтому героя не страшит конец земного пути: «*Так я, любовью упоенный,/ Усну <...> при шуме сладком лир*» («На крыльях улетают годы») (169);

*Без страха двери сам для Парки отопру,
Беспечно век прожив, спокойно и умру («Сон могольца») (196).*

В Элизий помещает Батюшков особо чтимого им «нежного певца» Горация. В надписи «К цветам нашего Горация» древний поэт предстаёт как «*бог лиры, бог любви*». В «Подражании Горацию» Батюшков создаёт свой вариант стихотворного «Памятника» (эту античную традицию блистательно развил Пушкин, воздвигший «*памятник себе <...> нерукотворный*»), где утверждается царственность, божественное происхождение поэтической лиры: «*Я сам на Пинде царь!/ Венера мне сестра*» (221).

К творчеству и судьбе Горация Батюшков обращался и в своих прозаических опытах. В статье «Вечер у Кантемира» выделена «страсть к древним писателям» (П 220) видного русского классициста, который «только ощупью и с Горацием в руках» (П 231) пытался отыскать истину. В «Заметках о Горации» Батюшков размышлял о личности и судьбе «счастливейшего из всех стихотворцев» (П 247). Самому автору «Заметок» очень близка мысль «мудреца» и «тонкого философа» Горация о том, «что человек не может быть совершенно счастлив, что сердце наше есть источник вечных желаний» (П 247). Это размышле-

ние во многих стихах русского поэта воплотилось в форме поэтических афоризмов: «*Как счастье медленно приходит,/ Как скоро прочь от нас летит*» («Элегия») (157); «*Но радость наша – ложь, но счастье – крылато*» («К Тассу») (199); «*А счастье лишь там живет,/ Где нас, безумных, нет*» («Послание к Н.И. Гнедичу») (184–185).

Батюшков был солидарен с И. М. Муравьёвым-Апостолом, который признавался в том, «что не выпускает Горация из рук, что учение сего стихотворца может заменить целый век опытности, что он всякий день более и более открывает в нём не только поэтических красот, но истин, глубоких и утешительных» (П 248).

«Гораций никогда не хотел продать свою вольность за золото. Он отказался от почестей, страшился забот, любил уединение» (П 248) – эта позиция становится личной и творческой установкой самого Батюшкова. Многочисленные подтверждения – в его судьбе, письмах, стихах. Послевоенная гражданская служба не задалась: «К гражданской службе я не способен. Плутарх не стыдился считать кирпичи в маленькой Херонее; я не Плутарх, к несчастью, и не имею довольно философии, чтобы заняться безделками», – писал Жуковскому Батюшков. Поэт не гнался за продвижением по карьерной чиновничьей лестнице, «ибо поистине он не охотник до чинов и крестов».

*Но я и счастлив, и богат,
Когда снискал себе свободу и спокойство,
А от сует ушёл забвения тропой!* («Мечта») (83)

Обращаясь к Гнедичу, Батюшков говорит и о себе: «ты не хотел потерять свободы и предпочёл нищету и Гомера» (П 158).

«Песней царь» Гомер постоянно занимал творческое сознание русского поэта: «Омер и книги священные говорят о протекшем. На них основана опытность человеческая. Вечные кладези, откуда мы черпаем истины утешительные или печальные!» (П 118) Батюшков ощущал параллель между трагической судьбой «царя духа» Гомера и его героев со своей собственной участью: «Вот моя Одиссея, поистине Одиссея! Мы подобны теперь Гомеровым воинам, рассеянным по лицу земному» (П 303).

Древнегреческие образы были переосмыслены Батюшковым в романтическом и автобиографическом планах. Здесь очень много лирического, лично пережитого. В стихотворении «Судьба Одиссея» различимы этапы жизни русского поэта: его военный опыт («*среди ужасов земли и ужасов морей*» «*стой*

бестрепетной сходил в Аида мраки»), его бытовая неустроенность, бесприютность («*Блуждая, бедствуя, искал своей Итаки/ Богобоязненный страдалец Одиссей*») (57). В основе композиции произведения – романтическая ситуация разлада мечты и действительности: «казалось – оказалось», связанная с разочарованием, утратой иллюзий:

*Казалось, победил терпением рок жестокой
И чашу горести до капли выпил он;
Казалось, небеса карать его устали <...>
Проснулся он: и что ж? Отчизны не познал (58).*

В то же время лирическому герою Батюшкова – мечтателю, воину, страннику – после его Одиссеи нелегко оставаться дома:

*Как трудно век дожить на родине своей
Тому, кто в юности из края в край носился...
(«Странствователь и Домосед»)*

В связи с «божественным даром» Гомера упоминаются почти все олимпийские божества: «*твой гений пронизал в Олимп: и вечны боги/ Отверзли для тебя заоблачны чертоги*» (71). Художественная образность элегии представлена в ключе древнегреческой стилистики: «*Внемлите, народы, Эллады сыны,/ Высокие песни внемлите!*» (70); «*Твой глас подобится амврозии небесной,/ Что Геба юная сапфирной чашей льёт*» (72). Появляются сложные и необычайно красивые эпитеты: «*коней легконогих по звонким полям*» (69), «*там скачущих оленей/ И златорогих серн*» («Мечта») (79).

Удивительный оксюморон «*Слепец всевидящий!*», созданный Батюшковым, определяет суть личности и творчества Гомера – незрячего античного классика. Гению уготована трагическая судьба, но в стихотворении «К Тассу» (Торквато Тассо – итальянский поэт эпохи Возрождения – ещё один «*несчастный счастливец*», близкий Батюшкову) поэт слагает своим кумирам восторженный дифирамб:

*Но в памяти людей Омер ещё живёт,
Но человечество певцом ещё гордится,
Но мир ему есть храм... И твой не сокрушится! (200)*

Античность вдохновила Батюшкова на создание вольных переводов «Из греческой антологии» и лирического цикла «Под-

ражания древним» как продолжения антологических переводов. Знаменательно, что это был последний лирический цикл Батюшкова. Так любовь поэта к классическим образцам прошла через всё его творчество – от истоков до финала.

Вольные переводы сконцентрировали все излюбленные мотивы и образы батюшковской лирики. Например, любовь – смерть – возрождение: «Киприда и Эрот, мучители сердец! <...> я вяну» (12); «Любовь мне таинство быть счастливым открыла» (11); «Склонись, жестокая, и я ... воскресну вновь!» (10). Здесь снова встречаются пленительные приметы женской красоты – локоны и цветы:

*А вы, цветы, благоухайте
И милой локоны слезами напитайте! (2)*

«1-й перевод» – плач о возлюбленной, ставшей «добычей» завистливого Аида, – походит на более раннее творение Батюшкова, истинно классическое по совершенству формы, «Рыдайте, Амуры и нежные Грации...»:

*Венера всемогущая, дочь Юпитера!
Услышь моления и жертвы усердные:
Не погуби на тебя столь похожую! (264)*

Вполне в духе и стиле классицизма изящное стихотворение «Пафоса бог, Эрот прекрасный...», герой которого «даёт красавицам уроки».

Очень точно определил своеобразие стихотворной ткани батюшковской лирики Н. В. Гоголь: «Самый стих <...> исполнился той почти скульптурной выпуклости, какая видна у древних, и той звучащей неги, которая слышна у южных поэтов новой Европы»¹.

И всё это переплавлялось, как определил сам Батюшков, в «забавный русский слог», в новую поэтическую манеру лёгкости, непринуждённости, прозрачности стиха, в мелодику и музыкальность поэтического русского языка, который у Батюшкова льётся столь же свободно и благозвучно, как язык итальянский. «Звуки итальянские! Что за чудотворец этот Батюшков», – восторгался им Пушкин.

Итальянскому языку Батюшков выучился в годы учёбы в петербургском пансионе итальянца Триполи (1801–1802). Впо-

¹ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. – М., 1986. – Т. 6. – С. 332.

следствии в статье «Ариост и Тасс» поэт утверждал: «Учение итальянского языка имеет особенную прелесть. Язык гибкий, звучный, сладостный, язык, воспитанный под счастливым небом Рима, Неаполя и Сицилии» (П 139–140).

В Италию Батюшков был влюблён заочно ещё с юности. Чувство поэта усилилось многократно, когда он прибыл в эту страну в качестве секретаря русской дипломатической миссии. Период в жизни поэта, проведённый в Италии с 1819 года по 1821 год, подробно освещён в книге итальянской исследовательницы Марины Федерики Варезе-Росси «Батюшков – поэт между Россией и Италией»¹.

Впечатления Батюшкова от Италии, которыми он делился с друзьями в письмах, характеризуют личность поэта, особенности его миропонимания и художественного метода. В душе Батюшкова никогда не угасала «прекрасная страсть к прекрасному» («Чужое: моё сокровище!»). Италия драгоценна русскому стихотворцу прежде всего как «земля классическая», «Отчизна Горация и Цицерона» (П 536), как «библиотека, музей древностей, земля, исполненная прошедшего» (П 553). В статье «Петрарка» Батюшков говорит о любви к Риму как «древнему отечеству добродетелей и муз». «Полуденные страны были родиной искусств... Музыка, живопись и скульптура любят своё древнее отечество» («Вечер у Кантемира») (П 228). Пространное восторженное рассуждение о «прекрасном наследии древности» у римлян и греков изложено в работе «Прогулка в Академию художеств».

«Земля славы и чудес! Какая земля!» – восклицает Батюшков в письме к Уварову из Неаполя в мае 1819 года. Ещё ранее – в 1817 году – это восклицание прозвучало в стихотворении «Умиравший Тасс» – по лирической сути автобиографической элегии:

*Земля священная героев и чудес!
Развалины и прах красноречивый! (22)*

В то же время впечатления от Италии формировали новое романтическое сознание поэта: «земля удивительная, загадка непонятная» (П 553). Утончённый мечтатель из «земли льдов и снегов», грезивший об экзотических чудесах «полуденных стран», увидел их наяву. Живописные пейзажи батюшковской

¹ См.: Marina Federica Varese. Batjuskov. Un poeta tra Russia e Italia. – Padova, Liviana Ed., 1970.

лирики, напоённые светом и цветом, звуками, благоуханием, повторяются уже в прозе, в письмах из Италии: «Здесь весна в полном цвете: миндальное дерево покрыто цветами, розы отцветают, и апельсины зрелые падают с ветвей на землю, усеянную цветами...» (П 432) Примерно так же представлял себе поэт прекрасный Элизий в «Элегии из Тибулла»:

*Туда, где вечный май меж рощей и полей,
Где расцветают нарциссы и кинамона лозы;
И воздух напоён благоуханьем розы... (36)*

«Земля сия – рай небесный» (П 434), – вторит самому себе Батюшков в письме к Уварову. Так в художественном сознании поэта гармонично соединяются сферы земного и небесного, античного и романтического.

В его «лёгкой поэзии», какие бы темы она ни затрагивала, воскресают образы античности. Но перед нами – именно *лёгкая* поэзия. Батюшков отказывается от тяжеловесной манеры мифологизирования жизни, свойственной классицизму. И мифологические отсылки в его стихах – вовсе не штампы поэтического языка. Эта образность отличается большой эмоционально-экспрессивной и смысловой наполненностью; может выполнять самые разнообразные функции, как высокие, так и низкие, пародийные. Например, возвеличивая чувство верной дружбы, поэт называет имена легендарных друзей: Тезей и Пифией, «Атридов сын» (Орест) и Пилад. Лирически выделен «*младый Ахилл, великодушный воин, / Бессмертный образец героев и друзей!*» («Дружество») (47), имя которого было столь дорого Батюшкову, прозванному Ахиллом. Устойчивые образы могут указывать на лирическое чувство, например, грусть: «*сам Амур в печали / Светильник погасил*» (160).

Как и в своей лирике, Батюшков в личной переписке также часто использует форму заклинания древних богов, но уже с шутовым оттенком: «Да будет Феб с тобой» («К Жуковскому») (104).

Античные образы иногда переосмысливаются Батюшковым иронически. Блистательные примеры – в знаменитых стихотворениях «Видение на берегах Леты», «Послание к стихам моим», «Певец в Беседе любителей русского слова», в эпиграммах. Поэт высоко ценил крупных мастеров классицизма («Вечер у Кантемира», «Разные замечания»); советовал: «Читай Державина, перечитывай Ломоносова, тверди наизусть Богдановича,

заглядывай в Крылова» (П 240), – но был беспощаден к его эпигонам, ядовито высмеивал неискусных литераторов, в том числе и русских поэтесс, мнивших себя «новыми Сафами». В шуточных мадригалах «Мелине» и «Новой Сафе» поэту удаётся быть не только насмешливым, но и изящным. Обыгрывая легенду о Сафо, бросившейся со скалы в море из-за неразделённой любви к Фаону, Батюшков пишет:

*Ты Сафо, я Фаон; об этом и не спорю:
Но, к моему ты горю,
Пути не знаешь к морю (129).*

И, конечно же, во всех стихотворениях Батюшкова присутствуют античные божественные покровители творчества – Музы, «Граций круг», «Аполлон с Парнасскими сестрами». В статье «Прогулка в Академию художеств» есть значимое в концепции батюшковского творчества замечание о «божественном Аполлоне, прекрасном боге стихотворцев»: «Имея столь прекрасного бога покровителем, мудрено ли» не возвыситься самому. Поэт цитирует немецкого историка античного искусства Винкельмана: «взирая на Аполлона, я сам принимаю благороднейшую осанку» (П 104). Таким образом, творческое обращение к античным источникам не означает у Батюшкова ухода в прошлое, наоборот – это шаг вперёд, по пути совершенствования мира и человека.

«Чувства добрые», благородство, «отзывчивое и чуткое сердце» – суть творческого бытия поэта. Он особенно ценит тех, кто *«лишь для добра живёт и дышит»* (из письма к А. Н. Оленину) (294). Таков и сам Батюшков, полный сочувствия к людям, заботливости, понимания. Как трогателен бывает лирический герой его любовной лирики: *«Ты плачешь, Ливия? Но победитель твой,/ Смотри! – у ног твоих колена преклоняет»* («Тибуллова элегия XI») (53).

Перечитывая Батюшкова, мы никогда не почувствуем себя запертыми в пыльном библиотечном хранилище или в музее древностей среди застывших античных статуй. Классические образцы воскресают в новом поэтическом бытии. Эта тема возрождения намечена и в первой строке стихотворения о Байе, написанного после посещения руин некогда роскошного древнеримского города: *«Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...»* (180)

Античные источники помогали Батюшкову добиться классической стройности, чёткости и ясности форм его творений.

Именно к классическим образцам обратился поэт для того, чтобы выразить своё новое миропонимание, ибо, по словам М. Н. Муравьёва, с которым был солидарен Батюшков, «нет ни одной черты величественного и чудесного стихотворства, которая не была бы в сокровищнице древних».

В то же время духовный идеал поэта – не в языческой древности, а в христианстве, в православной вере, в которой Батюшков искал и находил утешение.

В духе христианской антропологии выстраивались представления поэта о сущности человека, предназначении его жизни. В одном из писем Жуковскому Батюшков утверждал: «я сотворён по образу и подобию Божьему». В то же время человек – это «луч Божества, заключённый в прахе; существо, порабощённое всем стихиям, всем изменениям нравственным и физическим»: «и ты человек, и ты заплатил человечеству дань пороков, слабости и страстей; ты не ангел, ты и не чудовище». Поэтому, размышлял Батюшков, «смертному нужна мораль, основанная на Небесном Откровении, ибо она единственно может быть полезна во все времена и при всех случаях: она есть щит и копьё доброго человека, которые не ржавеют от времени» («Нечто о морали, основанной на философии и религии»). Духовные доспехи христианина – Небесные «щит и копьё» – это буквально евангельские образы *«всеоружия Божия»*, о котором говорил апостол Павел: *«Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских»* (Еф. 6: 11); *«а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскалённые стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие»* (Еф. 6: 16–17).

Вооружившись *«словом Божиим»* как *«мечом духовным»*, Батюшков размышлял об ущербности, о неполноценности всех философских систем от античности до современности, если они не основаны на вере в Христа: «Вот почему все системы и древних и новейших недостаточны! Они ведут человека к блаженству земным путём и никогда не доводят. Систематики забывают, что человек, сей царь, лишённый венца, брошен сюда не для счастья минутного; они забывают о его высоком назначении, о котором **вера, одна святая вера ему напоминает** <выделено мной. – А. Н.-С.>. Она подаёт ему руку в самих пропастях, изрытых страстями или неприязненным роком; она изводит его невредимо из треволнений жизни и никогда не обманывает: ибо она переносит в вечность все надежды и всё блаженство человека».

Те же раздумья, ту же святую веру выразил Батюшков и на поэтическом языке. В мечтательном поэте-романтике проявился зрелый христианский мыслитель. В стихотворениях Батюшкова раскрывается абсолютное соответствие поэзии религиозно-философским «опытам в прозе».

Так, стихотворное послание «К другу» можно назвать поэтическим переложением статьи «Нечто о морали, основанной на философии и религии», в которой Батюшков размышлял над «большим» вопросом человечества «Где же истинное блаженство?»: «Мы испытали, что эпикурейцы не обрели его за чашею наслаждения, ни стоики в бесстрастии и в непреклонной суровости нравов (ибо человек создан любить). Никто не нашёл блаженства: ни умный, ни сильный, ни богатый в чертогах, ни бедный в хижине своей; ибо и тот, кто блистает в пурпуре, и тот, кто таил всю жизнь свою в убогом шалаше, говорит Гораций, не могут назваться счастливыми. Где же это совершенное благополучие, которого требует сердце, как тело пищи?»

Те же неотступные вопросы: «Но где же сии сладости, сии наслаждения непрерывные, сии дни безоблачные, сии часы и минуты, сотканые усердною Паркою из нежнейшего шелка, из злата и роз сладострастия? Где они, спрашивает сластолюбивый в тишине страстей своих. Где и что такое эти наслаждения, убегающие, обманчивые, непостоянные, отравленные слабостию души и тела, помрачённые воспоминанием или грустным предвидением будущего? К чему ведут эти суетные познания ума; науки и опытность, трудом приобретённые?» – встают и настойчиво повторяются в стихотворении «К другу»:

*Скажи, мудрец молодой, что прочно на земли?
Где постоянно жизни счастье?
Мы область призраков обманчивых прошли;
Мы пили чашу сладострастья:*

*Но где минутный шум веселья и пиров?
В вине потопленные чаши?
Где мудрость светская сияющих умов?
Где твой Фалерн и розы наши?*

*Где дом твой, счастья дом?.. Он в буре бед исчез,
И место поросло крапивой.
Но я узнал его: я сердца дань принес
На прах его красноречивой.*

На все эти вопросы «Нет ответа, и не может быть!» – восклицает Батюшков. В статье он пишет: «Так создано сердце человеческое, и не без причины: в самом высочайшем блаженстве, у источника наслаждений, оно обретает горечь», «ибо ни дары счастья, ни блеск славы, ни любовь, ни дружество – ничто не удовлетворит его вполне»; в стихотворении продолжает:

*Минутны странники, мы ходим по гробам;
Все дни утратами считаем;
На крыльях радости летим к своим друзьям, –
И что ж? их урны обнимаем.*

<...>

*Так всё здесь суетно в обители сует!
Приязнь и дружество непрочно! –
Но где, скажи, мой друг, прямой сияет свет?
Что вечно чисто, непорочно?*

<...>

*Так ум мой посреди сомнений погибал.
Все жизни прелести затмилась;
Мой Гений в горести светильник погасал,
И Музы светлые сокрылись.*

Но «истина на земле одному Богу известна», – убеждён Батюшков, обращаясь к Всевышнему с горячей верой: «Боже великий! что же такое ум человеческий – в полной силе, в совершенном сиянии, исполненный опытности и науки? Что такое все наши познания, опытность и самые правила нравственности без веры, без сего путеводителя и зоркого, и строгого, и снисходительного? <...> Кто заблуждался более в лабиринте жизни, неся светильник мудрости человеческой в руке своей? Ибо светильник сей недостаточен; один луч веры, слабый луч, но постоянный, показывает нам вернее путь к истинной цели, нежели полное сияние ума и воображения <выделено мной. – А. Н.-С.>».

Конфликты внешние и внутренние разрешаются, «стоит только взглянуть на происшествия мира и потом углубиться в собственное сердце, чтобы твёрдо убедиться во всех истинах веры»:

*Я с страхом спросил глас совести моей...
И мрак исчез, прозрели вежды:
И Вера пролила спасительный елей
В лампаду чистую Надежды.*

«Человек есть странник на земли, – говорит святой муж, – чужды ему грады, чужды веси, чужды нивы и дубравы: гроб его

жилище вовек», – писал Батюшков, имея в виду поучение святителя Димитрия Ростовского о духовном странничестве человека в земном мире: «И как странник проходит мимо города и селения, горы и дола, поля и леса, и лишь только посмотрит на красоту места, идёт дальше, – так и жизнь наша проходит мимо всех благ земных, хотя и кажется нам, что мы ими наслаждаемся, их при себе удерживаем... Где же для смертного человека его родина? Где его наследство? Родина для человека – я разумею по плоти, по телу, а не по духу, – его родина – гроб, земля, персть; тело наше из земли сотворено, там и его родина, туда и возвращаемся все по Суду Божию: “земля еси, и в землю отыдешу” (Быт. 3: 19). И как душа, от Бога человеку данная, по исшествии из тела возвращается, если она праведна, к Богу, как своему Отцу, на небо, как в родную страну, – так и тело, от земли взятое, возвращается в землю, как к своей матери».

Лирический герой Батюшкова освобождается от надетой на него на земле брэнной «кожаной ризы», духом взлетает к Творцу в Его Небесное Царствие:

*Ко гробу путь мой весь, как солнцем, озарен:
Ногой надёжною ступаю;
И с ризы странника свергая прах и тлен,
В мир лучший духом взлетаю.*

В «мире лучшем» происходит духовное обновление, возрождение от «праха и тлена» в жизнь вечную.

Земная юдоль Батюшкова разделилась на две равные части – по 34 года каждая. 34-хлетнего поэта настигла наследственная психическая болезнь, им овладела мания преследования. Господь каждому даёт свой крест. Батюшкову было послано два креста: ноша крестная поэтических и ратных подвигов первой половины жизни, второй крест – душевное заболевание, продолжавшееся более 30 лет. Скорбную ношу крестную второй половины жизни, как и первый свой крест, посланный Промыслом Божиим, поэт сносил терпеливо и мужественно. В связи с этим вспоминается наставление святителя Феофана Затворника: «Мужайся! Спешу из того извлечь врачество, чем хотят нанести рану; крест Спасителя всепрощение знаменует»¹.

Больного Батюшкова навел на Пушкин. Существует мнение, что под впечатлением этого посещения родилось полное

---

¹ Святитель Феофан Затворник. Письма о христианской жизни. Поучения. – М.: Московский Сретенский монастырь, 1997. – С. 359.

трагизма стихотворение «Не дай мне Бог сойти с ума...», в котором Пушкин представил безумие как величайшее из несчастий, обратившись к Господу с молитвой пронести мимо эту чашу:

*Не дай мне Бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад:
Когда б оставили меня
На воле <...>
Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь, как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решётку, как зверка,
Дразнить тебя придут.*

Религия могла бы утешить и успокоить Батюшкова. Известно, что он подавал прошение государю о пострижении в монашество и разрешении «немедленно удалиться в монастырь на Белоозеро или в Соловецкий». Просьба не была исполнена.

В последние годы сознательной жизни и творчества поэт имел живой дух христианской веры, не уставал говорить и писать о ней – «как написано: я веровал и потому говорил» (2 Кор. 4: 13). Он утверждал: «Вера и нравственность, на ней основанная, всего нужнее писателю»; «одна вера созидает мораль незыблемую». В «истинах Евангелия, кротких, постоянных и незыблемых, достойных великого народа, населяющего страну необозримую», обрёл Батюшков «свет спасительный»: «Священное Писание <...> есть хранилище всех истин и разрешает все затруднения. Вера имеет ключ от сего хранилища, замкнутого для коварного любопытства, вера обретает в нём свет спасительный».

«Якорь веры» давал поэту силы неустанно прославлять и благодарить Бога. В статье «О лучших свойствах сердца» Батюшков утверждал: «Первый наш долг: благодарность к Творцу». Поэт преисполнен благодарности в стихотворении «Надежда»:

*Мой дух! Доверенность к Творцу!
Мужайся, будь в терпении камень!
Не Он ли к лучшему концу
Меня провёл сквозь бранный пламень?*

*На поле смерти чья рука
Меня таинственно спасала
И жадный крови меч врага,
И град свинцовый отражала?*

*Кто, кто мне силу дал сносить
Труды, и глад, и непогоду,
И силу в бедстве сохранить
Души возвышенной свободу?*

*Кто вёл меня от юных дней
К добру стезёю потаенной
И в буре пламенных страстей
Мой был вожатый неизменной?*

*Он! Он! Его всё дар благой!
Он есть источник чувств высоких,
Любви к изящному прямой
И мыслей чистых и глубоких!*

*Всё дар Его, и краше всех
Даров – надежда лучшей жизни!
Когда ж узрю спокойный берег,
Страну желанную отчизны?*

*Когда струёй небесных благ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
И обновлю существованье?*

«Земную ризу» в сумеречном состоянии сознания поэт носил ещё 34 года до конца дней своих, пережив многих друзей-литераторов. Знаменательно, что после смерти Константина Батюшкова его родственники «на умершем нашли два креста, один весьма старинный, а другой – собственной его работы»¹.

Надежды поэта во Христе «обновить существованье» исполнились – по слову апостола Павла: «Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4: 16), «дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3: 15).

г. Орёл

---

¹ Власов А.С. Подробные сведения о последних днях Константина Николаевича Батюшкова. Публикация Т.Л. Латыповой. (Современник о годах, проведённых поэтом в Вологде (1833–1855)) // Наше наследие. – 2002. – № 61.